

С. Ф. Платонов

Лекции по русской истории

выпуск I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П37

П37 **Платонов С.Ф.**
Лекции по русской истории: выпуск I / С. Ф. Платонов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2015. – 127 с.

ISBN 978-5-517-95600-2

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1899 года

ISBN 978-5-517-95600-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Изложение конспективное).

Введение.

Наши занятія Русской исторіей умѣстно будетъ начать опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ понимать подъ словами историческое значеніе, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимается исторія вообще, мы поймемъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ исторіей одного народа и сознательно приступимъ къ изученію нашей Русской исторіи.

Исторія существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Фукидидомъ, напримѣръ, покажетъ вамъ, что Греки были по своему правы, относя исторію къ области искусствъ. Подъ исторіей они понимали художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ вмѣстѣ съ эстетическимъ наслажденіемъ и рядъ нравственныхъ назиданій. Тѣ же цѣли преслѣдовало и искусство.

При такомъ взглядѣ на исторію, какъ на *художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ*, древніе историки держались и соотвѣтствующихъ приемовъ изложенія. Въ своемъ повѣствованіи они стремились къ правдѣ и точности, но строгой объективной мѣрки истины у нихъ не существовало. У глубоко правдиваго Геродота однако много басенъ (напр., о Египтѣ, о Скиахъ): въ однѣ онъ вѣритъ, потому что не знаетъ предѣловъ естественнаго, другія же, и не вѣря въ нихъ, заноситъ въ свой разсказъ, ибо онѣ прельщаютъ его своимъ художественнымъ интересомъ. Мало этого, античный историкъ, вѣрный своимъ художественнымъ задачамъ, считалъ возможнымъ украшать повѣствованіе сознательнымъ вымысломъ. Фукидидъ, въ правдивости котораго мы не сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ героевъ рѣчи, сочиненныя имъ самимъ; но онъ считаетъ себя правымъ въ силу того, что вѣрно передаетъ въ измышленной формѣ дѣйствительныя намѣренія и мысли историческихъ лицъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ точности и правдѣ въ исторіи было до нѣкоторой степени ограничиваемо стремленіемъ къ художественности и занимательности, не говоря уже о другихъ условіяхъ, мѣшавшихъ историкамъ съ успѣхомъ различать истину отъ басни. Не

смотря на это, стремление къ точному знанію уже въ древности требуетъ отъ историка *прагматизма*. Уже у Геродота мы наблюдаемъ проявленія этого прагматизма, т. е. желаніе связывать факты причинною связью, не только рассказывать ихъ, но и объяснять изъ прошлаго ихъ происхождение.

Итакъ, на первыхъ порахъ исторія опредѣляется, какъ *художественно-прагматическій рассказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ*.

Ко временамъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на исторію, которые требовали отъ нея, помимо художественныхъ впечатлѣній и практической приложимости. Еще древніе говорили, что *исторія есть наставница жизни* (*magistra vitae*). Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое бы объясняло событія настоящаго и задачи будущаго, служило бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка, дожилъ и до нашихъ временъ; онъ, съ одной стороны, прямо сближалъ исторію съ моральной философійю, съ другой, обращалъ исторію въ «скрижаль откровеній и правилъ» практическаго характера. Одинъ писатель XVII вѣка (De-Rocoles) говорилъ, что «исторія исполняетъ обязанности, свойственныя моральной философійю и даже въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть ей предпочтена, такъ какъ, давая тѣ же правила, она присоединяетъ къ нимъ еще и примѣры». На первой страницѣ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина найдете выраженіе той мысли, что исторію необходимо знать для того, «чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье».

Съ развитіемъ западно-европейской философской мысли стали слагаться новыя опредѣленія исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смыслъ жизни человѣчества, мыслители обращались къ изученію исторіи или съ цѣлью найти въ ней рѣшеніе своей задачи, или же съ цѣлью подтвердить историческими данными свои отвлеченныя построенія. Сообразно съ различными философскими системами, такъ или иначе опредѣлялись цѣли и смыслъ самой исторіи. Вотъ нѣкоторые изъ подобныхъ опредѣленій: Боссюэтъ (въ XVII в.) и Лоранъ (въ наше уже время) понимали исторію, какъ изображеніе тѣхъ мировыхъ событій, въ которыхъ съ особенною яркостью выражались пути Провидѣнія, руководящаго человѣческою жизнью въ своихъ цѣляхъ. Итальянецъ Вико (1726) задачею исторіи, какъ науки, считалъ изображеніе тѣхъ одинаковыхъ состояній, которыя суждено переживать всѣмъ народамъ. Извѣстный Гегель въ исторіи видѣлъ изображеніе того процесса, которымъ «абсолютный духъ» достигалъ своего самопознанія (Гегель всю мировую жизнь объяснялъ, какъ развитіе этого «абсолютнаго духа»). Не будетъ ошибкою сказать, что всѣ эти философы требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того же: исторія должна быть изображеніемъ не всѣхъ фактовъ прошлой жизни человѣчества, а изображеніемъ основныхъ фактовъ, обнаруживающихъ ея общій смыслъ.

Въ этомъ требованіи, безъ сомнѣнія, заключался большой шагъ впередъ. Оно не удовлетворялось простымъ рассказомъ о быломъ вообще, или же случайнымъ наборомъ фактовъ различного времени и мѣста для доказательства назидательной мысли. Необходимо теперь объединять изложеніе руководящей идеей, систематизировать историческій матеріалъ. Однако, философскую исторію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она руководяція идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи.

Наукою исторія стала только въ началѣ нашего вѣка, когда въ Германіи, въ противовѣсъ французскому рационализму развился идеализмъ, въ противовѣсъ французскому космополитизму, появились идеи націонализма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономѣрно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ ни случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не личной дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ его развитія. Исторія стала пониматься какъ *наука о законахъ исторической жизни человѣческихъ обществъ*.

Это опредѣленіе разное высказывалось разными историками и мыслителями. Знаменитый Гизо, напримѣръ, понималъ исторію, какъ ученіе о мировой и національной цивилизаціи (понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданскаго общежитія). Философъ Шеллингъ, развивая мысль, что каждый народъ въ своей исторической жизни раскрываетъ какую-либо абсолютную идею, давалъ основаніе для того, чтобы въ національной исторіи видѣть средство познать національную идею, «национальный духъ». Отсюда выросло распространенное опредѣленіе исторіи, какъ *пути къ народному самознанію*. Явились далѣе попытки понимать исторію какъ науку, долженствующую раскрыть общіе законы развитія общественной жизни внѣ приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности присвоивали исторіи задачи другой науки—*соціологии*. Исторія есть наука, изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ обществъ и всего человѣчества.

Такая задача требуетъ многого для успѣшнаго выполненія. Для того, чтобы дать научно-точную и художественно-цѣльную картину какой либо эпохи народной жизни или полной исторіи народа, необходимо: 1) собрать историческіе матеріалы, 2) изслѣдовать ихъ достоверность, 3) возстановить точно отдѣльные историческіе факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести ихъ въ общій научный обзоръ или въ художественную картину. Тѣ способы, которыми историки достигаютъ указанныхъ частныхъ цѣлей, называются

научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются съ развитіемъ исторической науки, но до сихъ поръ ни эти приемы, ни самая наука исторіи не достигли полнаго своего развитія. Историки не собрали и не изучили еще всего матеріала, подлежащаго ихъ вѣдѣнію и это даетъ поводъ говорить, что исторія есть наука, не достигшая еще тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія, болѣе точныя науки. И однако, никто не отрицаетъ, что исторія есть наука съ широкимъ будущимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаниемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,—съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность, открылось болѣе широкое поле—историческій синтезъ, имѣющій цѣлью воссоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человечества.

Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться *русскій* историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого исторического процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку: дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ итти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность и значеніе того или другого исторического факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей. Добытыми результатами онъ можетъ служить историкѣ всеобщему, положить и свой камень въ основаніе общенсторического синтеза. Но этимъ и ограничивается его связь съ исторіей и вліяніе на нее. Конечной цѣлью русской исторіографіи всегда останется построеніе системы мѣстнаго исторического процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и другая, болѣе практическая задача, лежащая на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своею исторіей, живетъ сознательно, чутко къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача,—въ данномъ случаѣ можно

выразиться,—долгъ,—національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то ни было предвзятія точки зрѣнія: субъективная идея не есть идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которыя характеризовали собою различные стадіи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ дастъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него.

Такъ и отвлеченныя соображенія и практическія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ одинаковую задачу—систематическое изображеніе русской исторической жизни, общую схему того историческаго процесса, который привелъ нашу національность къ ея настоящему состоянію.

Исторіографическія замѣчанія.

Когда же началось систематическое изображеніе событій русской исторической жизни и когда русская исторія стала наукой? Еще въ Киевской Руси, на ряду съ возникновеніемъ гражданственности, въ XI вѣкѣ, появились у насъ первыя лѣтописи. Это были перечни фактовъ, важныхъ и неважныхъ, историческихъ и неисторическихъ, въ перемежку съ литературными сказаніями. Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія лѣтописи и не представляютъ собою историческаго труда; не говоря о содержаніи—и самые приемы лѣтописца не соответствуютъ теперешнимъ требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія сказанія и лѣтописи стали впервые свѣрять и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась и оформилась московская Русь. Сплотившись въ единое тѣло, подъ властью единаго московскаго князя, рускіе старались объяснить себѣ и свое происхожденіе, и свои политическія цѣли, и свои отношенія къ окружающимъ ихъ государствамъ. И вотъ, въ 1512 году составляется первый *хронографъ*, т. е. обзоръ всемірной исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ переводы съ греческаго языка, и только, какъ дополненія, внесены русскія и славянскія историческія сказанія. Хронографъ этотъ кратокъ, но даетъ достаточный запасъ историческихъ свѣдѣній, за нимъ появляются и вполнѣ русскіе хронографы, представляющіе собою переработку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникаютъ въ XVI вѣкѣ лѣтописные своды, составленные по древнимъ лѣтописямъ, но представляющіе не сборники механически сопоставленныхъ фактовъ, а произведенія, связанныя одной общей идеей. Первымъ такимъ произведеніемъ была «*Степенная книга*», получившая такое названіе потому, что она раздѣлялась на главы или на «степени» какъ ихъ тогда называли. Она передавала въ хронологическомъ, послѣдовательномъ, т. е. «постепенномъ» порядкѣ дѣятельность русскихъ митрополитовъ и князей, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой книги считаютъ митрополита Кипріяна, но окончательно она была обработана митр.

Макариемъ при Иванѣ Грозномъ, т. е. въ XVI вѣкѣ. Въ основаніи Степенной книги лежитъ тенденція, и общая, и частная. Общая проглядываетъ въ желаніи показать, что власть московскихъ князей есть не случайная, а преемственная, съ одной стороны, отъ южно-русскихъ, кievскихъ князей, съ другой стороны, отъ византійскихъ царей. Частная же тенденція сказалась въ томъ уваженіи, съ какимъ неизмѣнно повѣствуется о духовной власти. «Степенная книга» можетъ быть названа историческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы изложенія. Въ XVII вѣкѣ, былъ составленъ другой историческій трудъ, такъ назыв. «*Воскресенская лѣтопись*», болѣе интересный по обилію матеріала. Въ основаніи его легли всѣ прежнія лѣтописи: «Софійскій временникъ» и инныя, такъ что фактовъ въ этой лѣтописи дѣйствительно много, но сѣрѣплены они чисто механически. Тѣмъ не менѣе, «Воскресенская лѣтопись» представляется намъ самымъ цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ всѣхъ, ей современныхъ или болѣе раннихъ, такъ какъ она составлена безъ всякой тенденціи и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, которыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своею простотою она могла не нравиться, безыскусственность изложенія могла казаться убогою знатокамъ риторическихъ приемовъ, и вотъ ее подвергли переработкѣ и дополненіямъ и составили, какъ кажется, въ XVI же вѣкѣ новый сводъ, называемый «*Никоновской лѣтописью*». Въ этомъ сводѣ мы видимъ много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ греческихъ хронографовъ, по исторіи греческихъ и славянскихъ странъ. Въ Никоновой лѣтописи заключалась цѣлая Энциклопедія свѣдѣній, самая подробная лѣтопись особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣтопись и не совсѣмъ надежная: точность изложенія пострадала отъ литературной переработки; поправляя безжизненный слогъ прежнихъ лѣтописей, невольно искажали и смыслъ нѣкоторыхъ событій. Въ 1674 году появился въ Кіевѣ и первый учебникъ русской исторіи— «*Синописи*» *Инокентія Гизеля*, очень распространившійся въ эпоху Петра Великаго (онъ часто встрѣчается и теперь). Если рядомъ со всѣми этими переработками лѣтописей помянемъ рядъ литературно написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ (напр., Сказаніе кн. Курбскаго, повѣсти о Смутномъ времени; со всѣмъ этимъ встрѣтимся ниже), то мы обнимемъ весь тотъ скудный запасъ историческихъ трудовъ, съ которыми Русь дождала до эпохи Петра Великаго, до учрежденія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петръ В. очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены петербургской Академіи; изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать *Готлиба Сифрида Байера* (1694—1738). Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ два довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ, и теперь уже не имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи, это: «*Сѣверная Географія*» и «*Изслѣдованія о Варягахъ*» (ихъ перевели по-русски только въ 1767 г.).

Гораздо плодотворнѣе были труды *Герарда Фридриха Миллера*, жившаго въ Россіи при императрицахъ Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II, и уже настолько владѣвшимъ русскимъ языкомъ, что писалъ свои произведенія по-русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи (прожилъ 10 лѣтъ съ 1733—1743 г. въ Сибири) и хорошо изучилъ ее. На литературномъ историческомъ поприщѣ онъ выступилъ какъ издатель русскаго журнала «*Ежегодная Сочиненія*» (1755—1765) и сборника на нѣмецкомъ языкѣ «*Sammlung Russischer Geschichte*» (9 т. 1732—1765). Главною заслугою Миллера было собираніе матеріаловъ по русской исторіи; его рукописи (такъ наз. Миллеровскіе портфели) служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и изслѣдователей. И изслѣдованія Миллера имѣли значеніе; онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи, имъ посвящены его труды: «Опытъ новѣйшей исторіи Россіи», и «Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ». Наконецъ, онъ былъ первымъ ученымъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ московскій архивъ Иностранной коллегии, директоромъ котораго и умеръ (1783 г.). Среди академиковъ XVIII в. видное мѣсто трудами по русской исторіи занялъ и *Ломоносовъ*, написавшій учебную книгу русской исторіи и одинъ томъ «Древней Русской исторіи» (1766). Его труды по исторіи были обусловлены полемикой съ академиками-нѣмцами. Послѣдніе вели Русь-Варяговъ отъ норманновъ и норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до прішествія варяговъ представляли страшною дикою. Ломоносовъ же варяговъ признавалъ за славянъ и, такимъ образомъ, русскую культуру считалъ самобытною.

Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя отдѣльные вопросы нашей исторіи, не успѣли дать общаго обзора Русской исторіи, необходимость котораго чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзоръ появились внѣ академической среды.

Первая принадлежитъ *В. Н. Татищеву* (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ, что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи и, будучи человекомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся составленіемъ ея. Въ теченіе многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, переработалъ его не одинъ разъ, но только въ 1768 г. началось его изданіе. Въ теченіе 6-ти лѣтъ вышло 4 тома, 5-ый же томъ былъ случайно найденъ уже въ нашемъ вѣкѣ и изданъ «Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ». Въ этихъ 5-ти томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII вѣка. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи; мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ эскизовъ о древнихъ народахъ — варягахъ, славянахъ и др. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ, такъ напр. онъ воспользовался изслѣдованіемъ «о Варягахъ» Байера и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія эта теперь конечно устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла, такъ какъ (въ XVIII вѣкѣ) Татищевъ обладалъ такими источни-

ками, которыхъ теперь нѣтъ, и слѣдовательно многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ, уже возстановить нельзя. Это дало поводъ заподозрѣть существованіе нѣкоторыхъ источниковъ, на которые онъ ссылался, и обвинить Татищева въ недобросовѣстности. Особенно не довѣряли приводимый имъ «Іоакимовской Лѣтописи». Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало только, что Татищевъ не сумѣлъ отнести къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ, со всѣми ея баснями, въ свою исторію. Строго говоря, трудъ Татищева есть ничто иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; тяжелый его языкъ и отсутствіе литературной обработки дѣлали его неинтереснымъ для современниковъ. Попытка популярнаго изложенія русской исторіи впервые принадлежала *Екатеринѣ II*, но трудъ ея «*Записки касательно Русской исторіи*», доведенный до конца XIII вѣка, научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только, какъ первая попытка рассказать обществу легкимъ языкомъ его прошлое. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была «*Исторія Россіи князя Щербатова*, (1770—1792), которую впослѣдствіи пользовался былъ человѣкомъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшимся просвѣтительной литературы XVIII в. и всецѣло сложившимся подъ ея вліяніемъ. Это повліяло на его трудъ, въ который онъ внесъ много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не успѣвалъ разбираться, что заставляя иногда своихъ героев по 2 раза умирать. Но, несмотря на такіе крупныя недостатки, Исторія Щербатова имѣетъ научное значеніе, благодаря многимъ приложеніямъ, заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическія бумаги XVI и XVII вѣковъ. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи. Случилось, что при *Екатеринѣ II*, нѣкто французъ *Леклеркъ*, совершенно не знавшій ни русскаго государственнаго строя, ни народа, ни его быта, написалъ «*L'histoire de la Russie* (67 г.), при чемъ въ ней было такъ много клеветъ, что она возбудила всеобщее негодованіе. *И. Н. Болтинъ* (1735—1792) любитель русской исторіи, написалъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка и которыя издалъ въ 2 томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ — *Возраженіе*, Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на «Исторію» Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающіе въ немъ историческій талантъ, интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина не совсѣмъ точно зовутъ иногда «первымъ славянофиломъ», потому что онъ отиѣчалъ много темныхъ сторонъ въ слѣпномъ подражаніи западу, подражаніи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра, и желалъ, чтобы Россія крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ, какъ историческое явленіе. Онъ служилъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII в. въ обществѣ даже у не специалистовъ по исторіи, былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ *Н. И. Новиковъ*, извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія, собравшій «*Древнюю Россійскую Внелюбовку*» (20 томовъ), обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованій, изданный въ 1788—1791 гг.

Одновременно съ нимъ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, выступилъ купецъ *Голитовъ*, издавшій сборникъ историческихъ данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названіемъ «*Дѣянія Петра В.*» (1-ое изд. 1788—1790, 2-ое 1837 г.) Такимъ образомъ, рядомъ съ попытками дать общую Исторію Россіи, зараждается и стремленіе подготовить матеріалы для такой исторіи. Помимо инициативы частной, въ этомъ направленіи работаетъ и сама Академія Наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.

Но во всемъ томъ, что нами перечислено, еще было мало научности въ нашемъ смыслѣ; не существовало строгихъ критическихъ приѣмовъ, не говоря уже объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.

Впервые рядъ научно-критическихъ приѣмовъ въ изученіи русской исторіи внесъ ученый иностранецъ *Шлецеръ* (1735—1809) въ Россіи съ 1751—62. Познакомившись съ русскими лѣтописями, онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ—ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи и будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи.

Результатомъ этого ученія былъ знаменитый трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ «*Исторъ*» (1805 г. по-нѣмецки, 1809—1819 по-русски). Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ даетъ краткій обзоръ того, что сдѣлано по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи—печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ, считаетъ свою книгу почти единственнымъ годнымъ трудомъ по русской исторіи. И дѣйствительно, трудъ его далеко оставлялъ за собою все прочіе, по степени научнаго сознанія и приѣмовъ автора. Эти приѣмы создали у насъ какъ бы школу учениковъ Шлецера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей, вродѣ М. П. Погодина. Послѣ Шлецера стали возможны у насъ строгія историческія изысканія, для которыхъ, правда, создавались благопріятныя условія и въ другой средѣ, во главѣ которой стояли *Миллеръ*. Среди собранныхъ имъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи людей, особенно выдѣлился Штриттеръ, Малиновскій, Бантышъ-Каменскій. Они создали первую школу ученыхъ архиваріусовъ, которыми Архивъ былъ приведенъ въ полный порядокъ и которые, кромѣ вышней группировки архивнаго матеріала, производили рядъ серьезныхъ ученыхъ изысканій на основаніи этого матеріала. Такъ, мало-по-малу, созрѣвали условія, создававшія у насъ возможность серьезной исторіи. Въ началѣ XIX вѣка создался, наконецъ, и первый цѣльный взглядъ на русское историческое прошлое—въ извѣстной «Исторіи Государства Россійскаго» *Н. М. Карамзина*. Обладая цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, литературнымъ талантомъ и приѣмами хорошаго ученаго критика, Карамзинъ во всей русской исторической жизни видѣлъ одинъ главнѣйшій процессъ—созданіе національнаго—государственнаго могущества.

Къ этому могуществу привелъ Русь рядъ талантливыхъ дѣятелей,

изъ которыхъ два главныхъ: Иванъ III и Петръ Великій, своею дѣятельностью ознаменовали переходные моменты въ нашей исторіи и стали на рубежахъ основныхъ ея эпохъ: древней (до Ивана III), средней (до Петра Великаго), и новой (до начала XIX в.). Свою систему русской исторіи Карамзинъ изложилъ увлекательнымъ для своего времени языкомъ, а свой разсказъ онъ основалъ на многочисленныхъ изысканіяхъ, которыя и до нашего времени сохраняютъ за его Исторіей важное ученое значеніе.

Но односторонность основнаго взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображеніемъ только судебъ государства, а не общества съ его культурой, юридическими и экономическими отношеніями, была вскорѣ замѣчена уже современниками Карамзина. Журналистъ 30-хъ годовъ, *Н. А. Полевой*, упрекалъ его за то, что онъ, назвавъ свое произведеніе «Исторіей государства Россійскаго», оставилъ безъ вниманія «исторію Русскаго народа». Именно этими словами Полевой озаглавилъ свой трудъ, въ которомъ думалъ изобразить судьбу русскаго общества. На смѣну системы Карамзина онъ ставилъ свою систему, но не совсѣмъ удачную, такъ какъ былъ дилеттантъ въ сферѣ историческаго вѣдѣнія. Увлекаясь историческими трудами на западѣ, онъ пробовалъ чисто механически прикладывать ихъ выводы и термины къ русскимъ фактамъ; такъ напримѣръ, отыскалъ феодальную систему въ древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что трудъ Полевого не могъ смѣстить труда Карамзина: въ немъ вовсе не было цѣльной системы.

Менѣе рѣзко и съ большею осторожностью выступилъ противъ Карамзина петербургскій профессоръ *Устряловъ*, въ 1836 году, написавшій «*Разсужденіе о системѣ прагматической русской исторіи*». Онъ требовалъ, чтобы исторія была картиной постепеннаго развитія общественной жизни, изображеніемъ переходовъ гражданственности изъ одного состоянія въ другое. Но и онъ еще вѣрить въ могущество личности въ исторіи и, на ряду съ изображеніемъ народной жизни, требуетъ и біографій ея героевъ. Самъ Устряловъ, однако, отказался дать опредѣленную общую точку зрѣнія на нашу исторію и замѣчалъ, что для этого еще не наступило время. Такимъ образомъ, недовольство трудомъ Карамзина, сказавшееся и въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ, не исправило Карамзинской системы и не замѣнило ее другою. Надъ явленіями русской исторіи, какъ ихъ связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создалось научной системы. Устряловъ былъ правъ, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшіе профессора русской исторіи, начавшіе въ эпоху, близкую къ Карамзину, *Погодинъ* и *Каченовскій* еще были далеки отъ одной общей точки зрѣнія; послѣдняя сложилась лишь тогда, когда русской исторіей стали дѣятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодинъ и Каченовскій воспитывались на ученыхъ пріемахъ Шлецера и подъ его вліяніемъ, которое особенно сильно сказывалось на Погодинѣ. Погодинъ во многомъ продолжалъ изслѣдованія Шлецера и, изучая древнѣйшіе періоды нашей исторіи, не шель далѣе частныхъ выводовъ и мелкыхъ обобщеній, которыми, однако, умѣлъ